

Ницше Фридрих

Собрание сочинений

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Ф88

Ф88 **Фридрих Н.**
Собрание сочинений: Том 2 / Ницше Фридрих – М.: Книга по Требованию, 2023. – 322 с.

ISBN 978-5-519-99893-2

ISBN 978-5-519-99893-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

III

уже не такъ легко признавалъ себя «бѣдствіемъ!» (Нѣмцы изобрѣли порохъ—честь имъ и хвала! Но они опять поквитались тѣмъ, что—изобрѣли прессу). Но мы, не будучи ни іезуитами, ни демократами, ни даже хорошими нѣмцами, а только примѣрными *европейцами* и свободными, очень свободными умами, то намъ нуженъ весь нашъ умъ и все напряженіе его лука! А, кто знаетъ, можетъ быть нужна также и острая задача... Что касается до цѣли...

Зильсъ Маріа, Верхній Энгадинъ

Іюль, 1885.

Г Л А В А I.

О предразсудкахъ философовъ.

1.

Стремленіе къ истинѣ, доводящее насъ иногда до риска, къ той пресловутой истинѣ, о которой всѣ философы до сего времени отзывались съ глубокимъ уваженіемъ, уже задало намъ столько вопросовъ! Сколько странныхъ, нехорошихъ, сомнительныхъ вопросовъ! Это уже давнишняя исторія, а между тѣмъ не кажется ли намъ, что она только что началась? Что же удивительнаго, если мы, наконецъ, сдѣлаемся недовѣрчивыми, потеряемъ терпѣніе и досадливо отвернемся и что мы у этого сфинкса, въ свою очередь, научимся вопрошать? Но кто же собственно, задаетъ намъ здѣсь вопросы? *Что* въ насъ, собственно, стремится «къ истинѣ»? Дѣйствительно, мы долго стояли передъ вопросомъ о причинѣ этого стремленія, — пока, наконецъ, окончательно не стали втупикъ передъ еще болѣе основательнымъ вопросомъ. Мы спрашивали о *цѣльности* этого стремленія. Положимъ, мы хотимъ истины: почему же не лжи,

неопредѣленности, даже невѣжества? — Передъ нами явилась проблема о цѣнности истины,—или это мы стали передъ проблемой? Кто изъ насъ здѣсь Эдипъ? Кто сфинксъ? Здѣсь, какъ кажется встрѣчается много вопросовъ и вопросительныхъ знаковъ. И можно ли повѣрить, что мы представляемъ себѣ, будто проблема эта еще никогда не ставилась,—будто мы впервые усмотрѣли это, *riskнули* на это? Ибо при этомъ есть рискъ и, можетъ быть, очень значительный.

2.

Какъ *могло бы* произойти нѣчто изъ своей противоположности? Напримѣръ, истина изъ заблужденія? Или стремленіе къ истинѣ изъ стремленія къ обману? Или безкорыстный поступокъ изъ своекорыстія? Или чистое, подобно солнцу, созерцаніе мудреца изъ алчности? Подобное происхожденіе невозможно; кто объ этомъ мечтаетъ, тотъ глупецъ, и даже еще хуже. Вещи высшей цѣнности должны имѣть иное *собственное* начало; онѣ не могутъ быть производимы изъ этого бреннаго, соблазнительнаго, обманчиваго, ничтожнаго міра, изъ этой путаницы заблужденій и сильныхъ желаній. Напротивъ, въ нѣдрахъ бытія, въ нетлѣнномъ, въ невѣдомомъ, въ «вещи самой по себѣ», *вотъ гдѣ* должна лежать ихъ основа и больше ни-

гдѣ!» — Подобный родъ сужденій составляетъ психологическій предразсудокъ, благодаря которому узнаются метафизики всѣхъ временъ; подобный родъ оцѣнки стоитъ на заднемъ планѣ всѣхъ ихъ логическихъ процедуръ; изъ этой ихъ «вѣры» они стараются вывести свое «знаніе», нѣчто такое, что въ концѣ концовъ торжественно нарекается «истиной». Основная вѣра метафизиковъ есть *вѣра въ противоположность оцѣнки*. Даже самымъ осторожнымъ изъ нихъ не пришло въ голову усумниться, здѣсь, на самомъ порогѣ, гдѣ это было, однако, всего нужнѣе: и вполне оцѣнить проповѣдованіе „de omnibus dubitandum“. Сомнѣваться можно, во-первыхъ, существуютъ ли противоположности вообще и, во-вторыхъ, не представляютъ ли изъ себя тѣ національныя оцѣнки и оцѣнки противоположностей, на которыя метафизики положили свою печать, только авансценныя оцѣнки, невѣрная перспектива, притомъ еще снятая изъ какого-нибудь угла, пожалуй, снизу вверхъ, такъ сказать, лягушечья перспектива, какъ выражаются художники? При всемъ достоинствѣ, которое принадлежитъ истинному, правдивому, безкорыстному, можетъ случиться, что придадутъ больше цѣны наружному виду стремленію къ обману, своекорыстію и алчности и станутъ считать ихъ выше въ теченіе всей жизни. Возможно даже то, именно то и составляетъ цѣнность вышеупомянутымъ хорошимъ и уважаемымъ свойствамъ, что оно коварнымъ образомъ связано, какъ бы родственными узами, и, можетъ быть, даже въ сущности одинаково съ тѣми дурными, по виду противоположными вещами! Но кому охота заботиться о такихъ

опасныхъ «можетъ быть!» Для этого уже нужно дожидаться появленія новой породы философовъ, которые будутъ снабжены инымъ, обратнымъ вкусомъ и склонностью, чѣмъ бывшіе до сего времени, — философовъ опасного, можетъ быть, во всякомъ смыслѣ. — И, говоря совершенно серьезно: я уже вижу приближеніе такихъ новыхъ философовъ.

3.

Слѣдивъ довольно долгое время за философами и читая у нихъ между строкъ, я говорю себѣ: большую часть сознательнаго мышленія слѣдуетъ причислять къ инстинктивной дѣятельности, даже въ случаѣ философскаго мышленія; здѣсь нужно переучиться, какъ переучились по отношенію наслѣдственности и „врожденности“. Какъ въ дѣлѣ наслѣдственности бываетъ незамѣтенъ актъ рожденія одного лица среди длиннаго ряда предковъ и потомковъ, такъ и «сознаніе» никогда не бываетъ рѣзко противоположно инстинкту. Большая часть сознательнаго мышленія философа, тайно руководится его инстинктами и направляется на извѣстные пути. И за всякой логикой и ея кажущимся самовозвеличеніемъ движенія стоятъ оцѣнки или, говоря яснѣе, фізіологическія требованія для поддержанія опредѣленнаго рода жизни. Напримѣръ, если мы ска-

жемъ , что опредѣленное имѣетъ большую цѣнность, чѣмъ неопредѣленное, обманъ, — меньшую цѣнность, чѣмъ «истина» подобныя оцѣнки, при всей ихъ регулятивной важности для насъ, могутъ оказаться только авансценными оцѣнками, извѣстнымъ родомъ *niaiserie*, который можетъ быть необходимъ для поддержанія существъ, подобныхъ намъ. Предпославъ именно, что не человѣкъ есть „мѣрило вещей“...

4.

Ложность какого либо сужденія не должно служить для насъ отговоркой къ тому, чтобы опровергнуть это сужденіе; въ этомъ нашъ новый языкъ звучитъ, пожалуй, всего болѣе чуждымъ. Вопросъ въ томъ, насколько невѣрное сужденіе соотвѣтствуетъ жизни, сохраняетъ жизнь, сохраняетъ родъ и, пожалуй, даже воспитываетъ родъ; и мы въ глубинѣ души, склонны утверждать, что самыя ложныя сужденія (къ которымъ принадлежатъ синтетическія сужденія *a priori*) являются для насъ самыми необходимыми, что безъ приданія значенія логическимъ фикціямъ, безъ измѣренія дѣйствительности приложеннаго къ міру вымысла, безусловнаго, безотносительнаго, безъ постоянно-невѣрнаго представленія о мірѣ человѣкъ не могъ бы жить,— что отреченіе отъ ложныхъ сужденій было бы отреченіемъ отъ

жизни, отрицаніемъ жизни. Признать ложь жизненнымъ условіемъ, это конечно, значитъ опаснымъ образомъ противодѣйствовать обычной оцѣнкѣ, и философія, рѣшающаяся на это, уже однимъ тѣмъ становится по ту сторону добра и зла.

5.

Что особенно подстрекаетъ смотрѣть на всѣхъ философовъ полунедовѣрчиво, полунасмѣшливо, это не то, что постоянно усматриваешь какъ они наивны, — какъ часто и какъ легко они ошибаются и заблуждаются, словомъ, не ихъ ребячество и наивность, — но то, что дѣло у нихъ ведется не достаточно честно, тогда какъ они всѣ, поголовно, поднимаютъ великій и добродѣтельный шумъ, лишь только издали коснутся проблемы правдивости. Они всѣ притворяются будто открыли и достигли своихъ настоящихъ мнѣній посредствомъ холодной, чистой, безжественно-безпечной діалектики (въ отличіе отъ мистиковъ всѣхъ разрядовъ, которые честно и простовато ихъ толкуютъ «о вдохновеніи») — тогда какъ въ основѣ защищается предвзятое предложеніе, выдумка, «внушеніе» и большею частію абстрактированное и просѣянное сердечное желаніе ихъ съ подброшенными впоследствии причинами: — они всѣ, поголовно, адвокаты, нежелающіе называться таковыми

и въ большинствѣ случаевъ, даже лукавые защитники своихъ предразсудковъ, именуемыми ими „истинами“, — и *очень* далекіе отъ мужества совѣсти, которая именно въ этомъ сознается себѣ, очень далекіе отъ хорошаго вкуса мужества, дающаго это понять, изъ за того ли, чтобы предостеречь врага, или друга, изъ за своеволія и желанія посмѣяться надъ самимъ собою. Столь же неподвижное, сколь и благонравное торжество стараго Канта, которымъ онъ насъ заманиваетъ на извилистыя діалектическія тропинки, приводящія или, лучше сказать, соблазняющія къ его „категорическимъ повелительнымъ наклоненіямъ“ — такое зрѣлище заставляетъ улыбаться насъ, избалованныхъ, которые начинали забавляться наблюдая хитрыя козни старыхъ моралистовъ и проповѣдниковъ нравственности. Или даже тотъ фокусъ математической формы, въ которую Спиноза свою философію — «любовь къ *своей* мудрости» какъ бы замаскировалъ и одѣлъ въ желѣзную броню, чтобы съ самого начала застрашать мужество нападающаго, который осмѣлился бы поднять взоръ на эту непобѣдимую дѣву внѣшности — Аѳину-Палладу. Но сколько собственной робости и уязвимости выдаетъ этотъ маскарадъ философа съ болѣзненнымъ отшельничествомъ?

6.

Мало-по-малу для меня выяснилось, чѣмъ была до сихъ поръ всякая большая философія, а именно самопризнаніемъ ея автора и чѣмъ то въ родѣ невольныхъ и незамѣтныхъ для самого себя мемуаровъ; равнымъ образомъ обнаружилось и то, что нравственныя (или безнравственныя) цѣли составляли въ каждой философіи настоящій жизненной ростокъ, изъ котораго всякій разъ вырастало цѣлое растеніе. Дѣйствительно, для объясненія того, какъ собственно образовались первѣйшія метафизическія утвержденія философа, хорошо (и разумно) сперва спросить себя: какую нравственную цѣль преслѣдуетъ эта философія (или философъ). Поэтому я не думаю, чтобы въ основѣ философіи лежало стремленіе къ познанію, но что здѣсь, какъ и въ другомъ случаѣ, другое стремленіе воспользовалось познаніемъ (ложнымъ) только какъ орудіемъ. Имѣется при этомъ въ виду философія, но думаю, что здѣсь, какъ и вездѣ, другое влеченіе воспользовалось познаніемъ (и незнаніемъ!) какъ орудіемъ. Но, кто будетъ разсматривать шальные побужденія чловѣка въ томъ отношеніи, насколько они, именно здѣсь, дѣйствовали какъ *вдохновляющіе* геніи (или демоны и кобольды), тотъ найдетъ что всѣ они уже занимались философіей,—и что каждое отдѣльное изъ нихъ охотно представилось бы послѣдней цѣлью бытія и полноправнымъ *владыкой* всѣхъ остальныхъ